

Лицо Чунь Жуй побагровело, слов не находилось, и она бросилась на А Ци с кулаками. А Ци, мужчина, был, конечно, сильнее — он резко оттолкнул её, и она, пошатнувшись, рухнула на пол. Не сдаваясь, она вцепилась в его штанину.

— Отпусти!

Куда там отпускать — вцепилась ещё крепче. В этой тянучке-толкучке раздался звук «р-р-раз!» — Чунь Жуй оторвала от штанины целый клочок.

Штанов у него всего две пары, носит по очереди, а теперь одна испорчена. Злость от пощёчины вспыхнула с новой силой. Все эти бабьи сказки про «мужчина не бьёт женщину» полетели к чёрту. А Ци просто разорвал её одежду спереди — тонкая верхняя одежда мгновенно расплзлась на две тряпки, обнажив красный пояс с вышитыми уточками.

— А-а-а! — Чунь Жуй словно взбесилась, закрываясь руками, залилась слезами и причитаниями.

Все на кухне замерли, глядя то на рыдающую, чуть ли не в конвульсиях, Чунь Жуй, то на бесстрастно стоящего А Ци.

Матушка Чжан, видя, что девушка при всех обнажилась, поспешила выгнать с кухни всех мужчин, включая А Ци.

А Ци не стал задумываться, что ещё выкинет Чунь Жуй в отместку, но мог предположить: с её характером не обойдётся без подлых выходов. Однако сейчас его больше волновало, что делать со штанами. Вторая пара ещё мокрая, придётся донашивать эту.

В полдень А Ци встретился с Цю Гуань. Девчонка надела совершенно новое розовое платье — такого он на ней никогда не видел. Даже лицо, смотрю, немного подрумянила.

— А Ци, работу закончил?

— Угу.

— Пошли.

Из-за оконной занавески Ань Жун наблюдал, как двое внизу идут рядом, близко-близко. Взор его застыл на порванной штанине. Они удалялись, и чем дальше, тем сильнее казалось, что тот уходит навсегда.

Не отдавая себе отчёта, что думает и делает, Ань Жун, подгоняемый непонятным внутренним жаром, сбежал с второго этажа и преградил А Ци путь.

Увидев его, А Ци остановился, опустив глаза, безмолвствуя.

Цю Гуань, глядя то на А Ци, то на загадочного Господина Лина перед ними — один потупился, другой впился взглядом, — потеряла весь аппетит. Не вмешиваясь, она развернулась и пошла обратно.

Лишь когда Цю Гуань ушла, Ань Жун заговорил:

— Ты с ней куда?

— Есть.

— Хочешь с ней уйти?

А Ци поднял глаза — ясные, прозрачные, — и уголок рта криво дёрнулся в ухмылке:

— А что, если да? А что, если нет? Или боишься, что я сбегу, и тебе некому будет постель греть? Не волнуйся, я твой... вкус ещё не забыл. Кожа нежнее женской, личико краше женского. Даже если я снизу, мне хорошо.

Словно подменили человека. Раньше он и взглянуть-то на него прямо стеснялся, где уж там так развязничать. На лице Ань Жуна застыла холодная маска, безымянный гнев клокотал внутри, рвался наружу.

— Может, сегодня вечером к тебе загляну? — А Ци изображал самого отъявленного уличного хулигана.

Ань Жун внезапно вцепился ему в ворот, используя преимущество в росте, чтобы подавить, и, поймав его взгляд, бросил:

— Хорошо.

В сердце А Ци вдруг образовалась пустота. Сколько ни храбрись словами, притворяйся, что всё равно, — забыть этого человека он не мог.

Вечером А Ци пришёл в покои Ань Жуна. Когда он вошёл, тот читал, даже глаз не подняв. А Ци тоже церемониться не стал, сразу плюхнулся на кровать Ань Жуна, развалился врозь. Разговаривать было лень, А Ци прикрыл глаза, притворяясь спящим. Вскоре он почувствовал тень, упавшую на веки. Не спеша открыв глаза, он увидел Ань Жуна, смотрящего на него. Те самые глаза, глубокие, как осенние воды, таяли неведомые соблазнительные мысли. А Ци подумал, что эти глаза и были той ловушкой, что медленно затянула его в трясиину.

— Кровать-то у тебя мягкая, а я раньше и не оценил.

— Ты с той служанкой что за отношения?

А Ци опешил — не ожидал, что он ещё помнит об этом. Затем внутри шевельнулась странная сладкая услада, но вслух он упёрся:

— Между мужчиной и женщиной что ещё может быть?

Ань Жун усмехнулся:

— Да? Но разве ты мужчина? В твоей голове только одно — как бы я тебя прижал.

А Ци вспыхнул:

— Ань Жун, чёртов подлец!

Он попытался вскочить, но Ань Жун легко прижал его, и он снова оказался на спине, обездвиженный.

— Мне в последнее время так скучно, хочется ещё поиграть. — Говоря это, он расстёгивал одежду А Ци. В голосе сквозила ядовитая игривость, от которой А Ци готов был задохнуться. Он ненавидел этот тон. Лучше бы тот кричал, приказывал убираться, чем произносил эти слова, утыканные иголками, — каждая впивалась в самое сердце. Как тут не закричать от

боли?

Долго бился, но А Ци так и не смог вырваться, сдался. К этому времени с него уже стащили всё, кроме тех самых штанов с оторванным клоком.

— Ты же говорил... что тебе надоело... — дрожь в голосе выдавала скрытую боль.

Ань Жун остановился и произнёс слова, от которых у А Ци похолодело всё внутри, до самых костей:

— За каждый раз в моей постели — десять лянов. — И, грубо войдя, добавил хриплым шёпотом:

— Копи, посмотрим, сколько наберётся...

Голос Ань Жуну становился всё грубее, низким от страсти.

Слёзы скатились с глаз А Ци, намочив простыню. Десять лянов — больше, чем он зарабатывал за год. Может, так и лучше. Не придётся больше мучиться, гадая о его чувствах, зато деньги заработает... Всё равно в плюсе.

После Ань Жун поднялся и, повернувшись спиной, стал одеваться. Красивая спина, гладкая кожа и не сошедшие ещё синяки... Сегодня Ань Жун и на нём оставил несколько синеватых следов. Такие же, как на нём самом?..

— Господин Лин, а платить-то вы не забыли?

Ань Жун, обернувшись, уставился на А Ци в полном недоумении, пытаясь разглядеть на его лице хоть искру иных чувств. Но нет — лишь нагловатая ухмылка.

Схватив деньги, А Ци выскочил из комнаты, оставив за собой пустоту, холод и тяжёлый запах после страсти.

Пошатываясь, добрался до своей каморки. Уже стемнело. Урчание в животе напомнило: ужинать-то он и не собирался. Подержав в руках увесистый мешочек с десятью лянами, А Ци задумался, куда бы их припрятать. И тут взгляд упал на большой деревянный сундук в западном углу комнаты, где хранилась его одежда...

Пусть будет по его слову: буду копить. Посмотрим, сколько наберётся, прежде чем он окончательно меня бросит... Грустно, но что поделать — такова правда.

Спрятав деньги, А Ци захлопнул крышку сундука и увидел вырезанные на ней два имени — те, что он выводил снова и снова. Теперь они стали самой горькой насмешкой. И не только здесь — во всей этой комнате, где можно было что-то нацарапать, пестрели имена «Ань Жун» и «А Ци»... Дошёл мужчина до такой слюнявой сентиментальности — наверное, это и есть любовь. Взяв ржавый железный обломок, А Ци с улыбкой углубил все эти насечки.

— А Ци, тебя только что Цю Гуань искала.

Голос принадлежал вошедшему рабу-черепaxe Да Юаню. В каморке А Ци жили вчетвером, и тот был одним из соседей.

Спрятав растерянность, А Ци очнулся:

— Когда?

— Да уже с полчаса как.

А Ци выскочил наружу. Пробежавшись по заведению, он нашёл Цю Гуань у небольшой речки за двором — та сидела на корточках. Ночь дышала соблазном, чистая гладь воды отсвечивала лунным светом.

— Цю Гуань.

— А Ци, кто такой Сяо Жун? Это Господин Лин? — Словно бормотала себе под нос, в голосе сквозили усталость и разочарование.

— К чему спрашиваешь?..

Хоть А Ци и не подтвердил, но и не стал отрицать. Цю Гуань поняла, что угадала...

Она поднялась и, глядя на него, сказала:

— Отныне буду считать тебя только братом. Раньше я... слишком много надумала. Так бессмысленно и закончилась эта внезапная влюблённость...

А Ци застыл, не зная, что сказать. Цю Гуань вдруг обняла его:

— Братец, перестань его любить. — Голос её звучал так искренне и трогательно, будто она вот-вот расплачется.

А Ци прокашлялся и щёлкнул её по лбу:

— О чём это ты только думаешь?

Цю Гуань тоже усмехнулась, но внутри становилось только пустыннее. Этот человек, похоже, готов идти по своему пути до конца, и не вернуть его никакими уговорами. Что будет дальше — на волю небес. Скорее всего, он так ничего и не получит.

— Штаны эти я тебе как-нибудь починю.

<http://bllate.org/book/16237/1459456>